

ВОЙНА КАК ремесло и война как искусство

Козленко А.В., к.и.н, доцент

Сегодня военное дело по определению считается сферой применения рационального разума и передовых научных технологий. Сравнительные исследования доказывают, что формирование соответствующих культурных установок происходит на определенном этапе исторического развития и является результатом серьезных мировоззренческих трансформаций. По ходу этого процесса происходит переосмысление того, что такое война, кем, по каким правилам и какими средствами она ведется. Обобщая, можно сказать, что на смену представлению о войне как об искусстве пришли представления о войне как о ремесле.

Во время российского завоевания Средней Азии в бухарских архивах был обнаружен, а затем переведен и опубликован на русском языке анонимный трактат по ружейной стрельбе. Список, попавший в руки ученых, датировался XVIII в., но, по всей видимости, он основывался на более древнем персидском или арабском оригинале. Соответственно, этот текст был современен аналогичным европейским наставлениям по той же теме XVII – XVIII вв. [1]. Сравнение текстов демонстрирует глубокое различие в понимании темы и отношении к ее предмету европейских и азиатских авторов. Европейские руководства представляют собой образец технического подхода к вопросу. Они начинают с описания устройства ружья и принципов его работы, объясняют, как производится выстрел и что нужно делать стрелку, чтобы направленная им пуля попала точно в цель. Описание технического устройства оружия дополняется описанием упражнений по обращению с ружьем, огневой и строевой подготовки. Что же касается азиатского трактата, то при первом взгляде на его текст у исследователя возникают сомнения в обозначенной в названии жанровой принадлежности. Почти все содержание трактата посвящено описанию духовных практик, обязательных для воина: принципам праведной жизни, очищению перед боем и молитве. Собственно ружейной стрельбе посвящена очень незначительная часть текста, в которой изложены самые простые сведения: рассказывается, как заряжается ружье и как производится выстрел. Автор даже не объяснил, как стрелок должен целиться!

Как представляется, особенности подбора материала и структуры текста трактата нельзя списать лишь на некомпетентность автора, в противном случае непонятно, зачем понадобилось переводить его сочинение с другого языка. Речь идет о принципиально ином подходе к теме военной подготовки, при котором акценты на том, что значимо, а что нет для победы в бою, оказались расставлены иначе, чем это было принято у европейцев. Авторы европейских военных наставлений работали в рамках светской парадигмы, мир рассматривался ими в умопостигаемых категориях, он был не только доступен для понимания, но и подлежал преобразованию посредством разумной упорядочивающей деятельности человека. Знание техники и технологии ее использования было необходимым условием успеха. Напротив, автор азиатского трактата жил в мире, сотворенном по промыслу божьему и принципиально непостижимом для смертных. Исход любого предприятия, в том числе военного, зависел только от божественной воли, сам человек был принципиально неспособен достичь результата собственными силами.

Соответственно, при таких предпосылках знание технического устройства ружья и упражнения в меткости стрельбы оказывались избыточными. Для стрелка было достаточно в общих чертах знать, как стрелять из ружья, попадет ли он при этом в цель или нет, все равно решал бог. Если стрелок являлся праведным человеком, пуля, выпущенная из его ружья, летела в цель, даже если он стрелял не целясь. Поэтому автор трактата очень подробно объяснял читателю, как заручиться поддержкой сверхъестественных сил, и очень мало уделил внимания технической стороне военного дела.

Различие взглядов на место и значение техники в военном деле являлось следствием несходства мировоззренческих представлений обеих культур о том, что такое война, почему и ради каких целей она ведется. Современные идеи на этот счет определяются формулой Клаузевица: «война является продолжением политики другими средствами» [2, с.14]. Вслед за политикой война приобретает характер целесообразной деятельности, она начинается, когда определенных целей не удается достичь другими средствами, и прекращается, как только обретается необходимый результат. Война более всего напоминает шахматную партию, которую можно выиграть или проиграть [3, с.146]. При другом взгляде на вещи война перестает являться целесообразной деятельностью. Гераклит сделал ее фундаментальной основой бытия, как продолжение всеохватывающего конфликтного процесса разрушения и созидания, ни цель, ни даже содержание которого не могут быть рационально обозначены. Война для древних являлась составной частью естественной природы, люди воевали по тем же причинам, которые лежали в основании их бытия; воевали потому что не могли перестать воевать, также как не могли перестать дышать, есть или жить. Естественная для нас идея вечного мира не рассматривалась ими всерьез, поскольку слишком сильно противоречила базовым основам мировоззрения. Мир воспринимался лишь как более или менее продолжительное перемирие перед следующим столкновением, идея окончательной победы или лозунг «война ради того, чтобы не было больше войн» при таких культурных установках были бы невозможны.

Рассматривая войну в качестве специфического вида деятельности, современный мир считает военное дело профессией, подготовка к которой требует получения определенных профессиональных компетенций. Обучение в современных военных училищах является рационально планируемым технологическим процессом, открытым для каждого. Не существует каких-либо ограничений на получение военного образования, за исключением самых общих требований к добровольцам [3, с.194]. У древних существовала другая концепция, они стремились отделить военное искусство от других ремесел, считалось, что профессии горшечника или столяра в результате тренировок может научиться кто угодно, но воину чтобы сражаться, необходимо мужество, а ему научиться невозможно. Наиболее последовательное воплощение эта точка зрения нашла в платоновской концепции идеального государства. Здесь воины являлись замкнутой кастой, необходимые им качества – мужество, жертвенность, послушание – воспроизводились в результате искусственного отбора. Разумеется, и в платоновском государстве военная подготовка предусматривала регулярные тренировки, укреплявшие силу мышц, умение действовать группами и прочие навыки. Однако, важно, что без этих тренировок воины могли обойтись, а без мужества нет, поэтому воином нужно было родиться, ведь мужество с точки зрения Платона, являлось врожденным качеством.

Когда царю спартанскому Архелаю показали только что изобретенную катапульту, он воскликнул в возмущении: «Вот и пришел конец воинской доблести!» Царь, воспитанный в рамках культуры, которая требовала от воина не столько умения побеждать, сколько готовности к риску и самопожертвованию, не мог понять, зачем нужна его врагам катапульта. Она, конечно, позволяла увеличить дистанцию поражения, силу и точность попадания, но не могла принудить спартанцев к миру. На смену погибшим воинам становились новые, а затем еще и еще. У спартанцев было много воинов, поэтому Архелай не слишком беспокоился по поводу нового военного изобретения. Как позже выяснилось, его противники даже не задавались столь глобальным вопросом. Им оказалось достаточным решить локальную задачу, издали перестреляв спартанских воинов. Когда на смену тем пришли другие, они перезарядили катапульту и повторили свой трюк. Хотя спартанцы были очень храбры и ни один из них не обратился в бегство, но войны у них закончились раньше, чем кончились стрелы катапульты. Архелаю пришлось заключить мир на невыгодных для себя условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лыкошин Н. С. Оригинальное наставление к стрельбе / Н. С. Лыкошин // Туркестанские ведомости – 1901 – № 38 – С. 137-153.
2. Клаузевиц К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Эксмо, 2007. – 565 с.
3. Кревельд, Мартин ван. Трансформация войны / Мартин ван Кревельд; пер. с англ. Ю. Кузнецов. – М.: ИРИСЭН, 2005. – 344 с.